

Научная статья

УДК 39 (392)

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_76

Тайна сельской матушки. Историко-антропологический этюд о перипетиях церковной жизни начала XX в. в связи с ее моральными, культурными и правовыми особенностями

А. А. Хохлов

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Россия
kazan_molodezh@mail.ru

Аннотация. Сексуальные аспекты повседневности православного духовенства являются одной из наименее изученных страниц истории России. Между тем архивные фонды приоткрывают завесу над этой сложной и неоднозначной темой. В статье предпринимается попытка решения обозначенной проблемы на примере характерного эпизода. Ключевым выводом исследования следует считать особый характер Церкви как социального института с присущей ему замкнутостью и специфической реакцией на нетривиальные вызовы, возникавшие в среде клира.

Ключевые слова: Церковь, следствие, заявление, сексуальные преступления, девиации, духовное лицо, право

Для цитирования: Хохлов А. А. Тайна сельской матушки. Историко-антропологический этюд о перипетиях церковной жизни начала XX в. в связи с ее моральными, культурными и правовыми особенностями // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 76–82. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_76

Original article

The Mystery of the Rural Mother. Historical and Anthropological Study of the Vicissitudes of Church Life at the Beginning of the XX Century in Connection with its Moral, Cultural and Legal Features

Aleksandr A. Khokhlov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
kazan_molodezh@mail.ru

Abstract. The sexual aspects of the daily life of the Orthodox clergy are one of the least studied pages of the history of Russia. Meanwhile, archival funds lift the veil over this complex and ambiguous topic. The article attempts to analyze the designated problem by the example of a characteristic episode. The key conclusion of the study should be considered the special character of the church as a social institution with its inherent isolation and specificity of reaction to non-trivial challenges that arose among the clergy.

Keywords: Church, investigation, statement, sexual crimes, deviations, clergyman, law

For citation: Khokhlov, A. A. (2023). The mystery of the rural mother. Historical and anthropological study of the vicissitudes of church life at the beginning of the XX century in connection with its moral, cultural and legal features. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 76–82. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_76

ВВЕДЕНИЕ

Среди архивных материалов, касающихся епархиальной жизни конца XIX – начала XX века, встречаются документы, повествующие о довольно нетривиальных сторонах повседневной жизни православного приходского духовенства. Не секрет, что духовные консистории в рамках внутреннего делопроизводства интересовались, прежде всего, нестроениями на приходах. Да и обратная связь часто шла не столько в позитивном русле, сколько по случаям, требовавшим дисциплинирующего внимания к причтам со стороны архиерея и консистории. Так, разбирая архив Казанской духовной консистории мы неожиданно обнаружили дело по обвинению в растлении несовершеннолетней девочки с участием духовного лица¹. Это, пожалуй, исключительный в своем роде случай. Он интересен для рассмотрения как с морально-этической, так и культурной и правовой точек зрения².

ПРОИСШЕСТВИЕ

Инициатором разбирательства выступила Елизавета Слесарева – жена псаломщика подгородного села Чебаксы Феодора Слесарева, обратившаяся в 1903 году с прошением на имя архиепископа Казанского и Свияжского Арсения (Брянцева). Судя по его содержанию, речь шла о событии, давно минувшем. Но, по всей видимости, и спустя годы, болью отзывавшемся в душе женщины. «Моя жизнь как в аду, – печаловалась просительница. Виновник такого грустного для меня положения – священник села Вязовых Александр Вишневецкий. Когда я училась в епархиальном училище, то мне в первом классе пришлось держать переэкзаменовку по Закону Божию... Мать и сестра уговорили меня сходить к священнику как преподавателю Закона Божия. Эти услуги предлагал мне и сам он. Долго я не соглашалась, должно быть, предчувствуя тогда еще невинной своей душой страшное несчастье своей будущей жизни, которое намеревался устроить этот недостойный, пошлый, со скотскою страстью пастырь. Но, наконец, согласилась... Немного позанимавшись, он вдруг стал играть со мной неприличным образом (а он, надо правду

сказать, был тогда не пьян, потому что от него не пахло водкой, до которой он страстный любитель). Сначала я, правда, не поняла, что он, собственно, задумал... Да и могла ли я понять, когда мне еще всего тогда было 13 лет?»³.

Обращение женщины к архиерею, да еще и по такому деликатному и потенциально скандальному вопросу, было случаем экстраординарным. В начале XX века в Русской церкви продолжали доминировать традиционные устои с жестким распределением гендерных ролей и их ролей, несмотря на те изменения в психологии и общественной культуре, которые принесла с собой эпоха великих реформ. Тем не менее жены приходского духовенства часто были представлены выпускницами епархиальных женских училищ, которые, несмотря на патриархальное воспитание, за годы обучения успевали воспринять не только грамотность, но и вкусить эмансипированный дух крупного губернского города. Вот и Елизавета Слесарева открыто описала в прошении те события, которые в годы ее далекой юности были связаны со священником, Вишневецким, Не вдаваясь, в силу этических причин, в пикантные подробности ситуации, отметим только, что их итогом стала глубокая личная трагедия женщины. «Сделав это и опять приласкав меня, он строго настрого наказал мне, что если я об этом извещу, то останусь виновна только одна я»⁴.

Встречи учителя и ученицы продолжались какое-то время. Мать и сестра последней, не подзревая их дурной подоплеки, всячески поддерживали и стимулировали свою родственницу в занятиях с наставником. Однако, судя по документам, священник Вишневецкий использовал эту возможность далеко не в педагогических целях. «Как человек не хорошей нравственности и зараженный сифилисом (а он – вдовец очень веселой жизни и, несмотря на то что немолодой отец семейства, пьет, танцует) и меня заразил. Последствия не замедлили в скором времени открыться...»⁵.

Результатом случившегося стало то, что болезнь стремительно поразила молодой, не окрепший организм, а в условиях сравнительно низкого уровня медицины, еще не знавшей антибактериальной терапии, это обернулось тяжелым поражением внутренних органов несчастной, которой впоследствии пришлось перенести изнуряющие операции. Тем не

¹Дело о священнике села Вязовых Свияжского уезда Александре Вишневецком по обвинению в растлении девицы Елизаветы Соколовой (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118783. 15л).

²В подобных случаях, с нашей точки зрения, особую ценность приобретает метод насыщенного описания, предложенный американским антропологом К. Гирцем. Ученый настаивал на том, что при изучении конкретной культуры, важно не «кодифицировать абстрактные закономерности, а делать возможным «насыщенное» описание; производить обобщение не множества случаев, а в каждом из них» [Гирц, 2004, с. 35].

³Покорнейшее прошение Елизаветы Слесаревой – жены псаломщика села Чебаксы Феодора Слесарева высокопреосвященнейшему Арсению архиепископу Казанскому и Свияжскому (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118783. Л. 1).

⁴Там же, Л. 1 об.

⁵Там же.

менее женщина выжила, хотя и осталось инвалидом, навсегда лишенным возможности иметь детей.

Впрочем, ключевой проблемой, побудившей Слесареву обратиться к духовным властям, была не только нравственная сторона вопроса и жажда справедливости, пусть и спустя годы. У женщины отсутствовали средства на необходимое поддерживающее лечение, поскольку достаток псаломнической семьи едва покрывал основные жизненные потребности. «Потому обращаюсь уже к Вам Ваше Высокопреосвященство как защитнику всех несчастных, с покорнейшей просьбой: не можете ли обязать платою похитителя моей невинности и виновника моей страшно-несчастной болезни на мое лечение? Но слезно и более всего молю Вас, Ваше Высокопреосвященство, не оставить без наказания сего злодея. В противном случае, он продолжит...»¹.

ПРАВОВОЙ ФОН

Закономерно, что прошение произвело волнение в церковной среде. Судя по документам, Слесарева решила на столь серьезный шаг без благословения своего мужа, исключительно по собственной инициативе, не находя при этом поддержки хотя бы у родственников. Только ее брат – священник села Шуматова Ядринского уезда Казанской губернии Иоанн Соколов – узнав о поступке сестры, отреагировал стремительно и весьма бурно. Обратившись к архиепископу, священник с жаром уверял духовные власти, что оглашенные его сестрой обвинения – «ложь ненормальной», перво-причина которых – злонамеренные родственники ее мужа, распаляющие огонь досужих домыслов². Тем не менее трудно сказать, было ли рвение брата в действительности мотивировано борьбой за правду или обусловлено опасениями негативных последствий от поступка сестры – архиерейского гнева и осуждения со стороны епархиального духовенства.

Заметим, что девиации и преступления сексуального плана в среде казанского епархиального духовенства в пореформенное время если и встречались, то в виде единичных, крайне редких случаев. Тем более это касалось насилия в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. За весь более чем сорокалетний период, приведенный случай – единственный в своем роде. И всё же в целом в Казанской губернии эпизоды растления малолетних периодически имели место в среде прочих социальных групп. Однако, к примеру в 1850 – начале 1860-х годах их количество не превышало десятка

в год [Егоров, 2008]. Вместе с тем, как отмечает В. Б. Безгин, судя по общегосударственной статистике, во второй половине XIX века прослеживается тенденция роста преступлений на сексуальной почве [Безгин, 2015]. И хотя, по утверждению историка, этим больше грешили жители городов, нежели сел, случаи нарушения половой неприкосновенности по относительным показателям чаще случались именно в сельской, крестьянской среде. Они носили преимущественно скрытый характер, редко становясь предметом огласки, а уж тем более основой для следственных мероприятий и судов [там же]. В силу этого официальная статистика в обозначенной части едва ли может быть информативной и претендовать на раскрытие полноты картины. Так что «прорвавшееся» дело Слесаревой в действительности шло вразрез с бытовавшей общественной культурой и ее установками, имплицитно сопротивлявшейся обнародованию проблемных фактов.

Принцип неотвратимости наказания после судебной реформы 1864 года прочно выступал одним из стержневых элементов имперской правовой системы. Поэтому женщина в своей беде даже спустя годы могла рассчитывать на правосудие. Однако в сложившейся судебно-правовой практике имелись немаловажные нюансы, на которые целесообразно обратить внимание. Слесарева сообщала, что во время встреч мужчина доводил ее своими ласками до того, что она «сама разгоралась»³. Но факт такого «соучастия» в рассматриваемый период мог быть интерпретирован не в пользу жертвы. «Всякое колебание жертвы, – писал известный правовед В. А. Лохвицкий, – делает ее участницею, а не жертвою, дает знать мужчине, что ему сопротивляются только по форме, только по инстинктивному чувству стыда, а не серьезно, что его приглашают продолжать усилия, чтобы иметь отговорку перед самою собой» (цит. по: [Фойницкий, 1916, с. 91]). Конечно, такой подход правосудия мог быть нивелирован несовершеннолетием девушки.

«Растление по законодательству нашему означает, – писал видный правовед И. Я. Фойницкий, – с одной стороны, обстоятельство, усиливающее ответственность за изнасилование, а с другой – самостоятельное преступление против целомудрия ребенка женского пола. В первом случае растление непременно предполагает девственность потерпевшей в физическом смысле этого слова, притом независимо от возраста ее; так, по толкованию сената (№ 958, по делу Игорева 1869 г.), разошедшегося в этом случае с мнением государственного совета (по делу Богданова 1848 г.), насильственное совокупление с девочкою моложе 14 лет, но оказавшеюся уже лишенною девственности, наказуемо не как растление

¹Там же, Л.3.

²Заявление священника села Шуматова Ядринского уезда Иоанна Соколова (ГА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.118783. Л.4–5).

³Покорнейшее прошение Елизаветы Слесаревой – жены псаломщика села Чебаксы Феодора Слесарева высокопреосвященнейшему Арсению архиепископу Казанскому и Свияжскому (ГА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.118783. Л.1 об).

с насилием, а как простое изнасилование. Но необходимо ли это условие для растления, как особого деликта, предусмотренного 1524 ст. улож.? Нет основания придавать одному и тому же выражению закона разные значения, и потому мы склоняемся к утвердительному ответу: недостаточна девственность в смысле нравственной чистоты, непорочности, нужна девственность в смысле физическом. Зависит она, впрочем, не только и даже не столько от наличности или отсутствия девственной плевы, – вследствие разных органических причин или онанизма ее может не быть даже у несоменных девственниц, а от факта предшествующей половой связи данной девочки с мужчиной. Девочка, ранее имевшая сознательно такие связи, не может быть объектом растления» [Фойницкий, 1916, с. 93].

Но данное физическое состояние на момент совершения преступления еще предстояло доказать.

Согласно государственному законодательству, за сексуальное преступление против несовершеннолетней, лицу, его совершившему, грозило суровое наказание. Как отмечает Р. М. Полковников, несмотря на принятие в 1903 году Уголовного уложения, ставшего вершиной детализации оснований ответственности за преступные посягательства в половой сфере, де-факто вплоть до установления советской власти в стране действовало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года в редакции 1885 года [Плотников, 2015]. На этом основании, в случае признания священника Вишневецкого виновным по обозначенному делу, согласно статей 1525–1528, ему грозило лишение всех прав и состояний и ссылка на каторгу в Сибирь на срок от 10 до 12 лет [Россия. Законы и постановления, 1916]. Но проблема заключалась в том, что государственное право в данном случае как бы теряло свое первостепенное значение в связи с особенностями бытовавшей правоприменительной практики и негласным принципом разграничения юрисдикции по подсудности между государством и Церковью. Государственные органы, в особенности на провинциальном и низовом уровнях, попросту не горели желанием вмешиваться в дела духовенства, в то время как архиереи и консистории ревниво блюли границы своей юрисдикции в отношении служащих духовного ведомства. Вследствие этого обращение Слесаревой к епископу, а не в полицейские органы или волостной суд, а равно и замыкание дела на епархиальной администрации, не выглядит противоречивым и является вполне закономерным в рамках бытовавших правил.

Таким образом, женщине оставалось надеяться на архиерейское правосудие и его христианское сострадание. Не будем предметно останавливаться на вопросе соблюдения епископом и духовной консисторией положений Устава духовных консисторий, которыми должны были руководствоваться в таких случаях обозначенные властные лица

и органы. Данному вопросу в целом мы неоднократно уделяли внимание в предыдущих публикациях. Отметим только то, что, к сожалению, вопреки ожиданиям Слесаревой, епархиальное судопроизводство в ее случае не отличилось безупречностью и носило скорее формальный характер.

Так, консистория направила запрос врачу, оперировавшему женщину. Он документально подтвердил воспаление в организме как основание для произведенного оперативного вмешательства. Но не указал первопричину воспалительного процесса, при этом отрицая его инфекционный характер¹. В рамках дознания письменный ответ принужден был дать и священник Вишневецкий. Однако и он заявил, что свидетельства Слесаревой – клевета, а сам он никогда ничем предосудительным болен не был².

ВЕРСИИ ПРОИЗОШЕДШЕГО

Трудно сказать, был ли действительно Вишневецкий замешан в преступлении. Однозначно судить об этом мы не беремся. Но, справедливости ради, стоит отметить, что на предмет заболевания данное лицо никто не проверял – консистория априорно приняла его доводы как достоверные. В конце XIX – начале XX века методы диагностики медицинских патологий и выявления их причины при многообразии патогенов были далеко не совершенными³. Вместе с тем масштабы распространения характерных заболеваний были едва ли не катастрофическими⁴. Исходя из этого, проблемы со здоровьем у женщины вполне могли быть обусловлены любой из возможных инфекций.

Не стоит сбрасывать со счетов и то, что запоздалое обращение Слесаревой к духовным властям могло быть как результатом прорвавшейся наружу мучительной тайны, так и болезненного сознания измученной тяжким недугом женщины, не снискавшей сострадания и поддержки у мужа и родственников. Различные парамнезии (конфабуляции), характеризующиеся расстройствами памяти, фантастическими воспоминаниями о не существовавших событиях или участии в них,

¹Удостоверение врача Михаила Шанского (ГА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.118783. Л.6).

²Рапорт священника села Вязовых Александра Вишневецкого (там же, Л.10).

³Вопреки расхожему мнению, ЗПП далеко не ограничиваются сифилисом. Они включают в себя множество других инфекций бактериальной, вирусной и грибковой природы, способных нанести тяжкий вред здоровью человека и даже привести к летальному исходу.

⁴Так, по данным специалистов, в период с 1887 по 1891 годы в больницах и госпиталях России лечилось 1 289 478 больных сифилисом. И это только выявленные случаи [Степаненко, Коляденко, Глухенький, 2003. с. 79].

ставшие следствием тяжелой физической или психической травмы, хорошо известны психиатрии [Беккер, 2022]. В. Б. Безгин, кроме прочего, сообщает и о широко распространенной в пореформенное время на селе практике измышления мнимых изнасилований, становившихся основанием для ложных обвинений и оговоров [Безгин, 2013]. Последние же, как мы показали, составляли чуть ли не повседневный фон деревенской жизни второй половины XIX – начала XX века [Хохлов, 2022].

Но как бы то ни было, архиепископ Арсений сделал ставку не на пастырское милосердие. Архипастырь решил долго не разбираться в деле. Его резолюция на рапорте брата заявительницы свящ. Иоанна Соколова гласила: «Считаю объяснение весьма основательным и правдоподобным. Настоящее грязное дело... плод досужей фантазии и мещанской этики родни псаломщика Слесарева»¹. Очевидно, для властного лица дело было не из приятных, а потому стремление поскорее закрыть его, с психологической точки зрения, вполне объяснимо. Однако вопросы вызывает не уклончивая позиция архипастыря, а психические и судебные механизмы завершения юридической процедуры. В целях исключения дальнейших обращений женщины к духовным властям архиепископ предложил сослать семью Феодора Слесарева в один из дальних приходов лесного Царевококшайского уезда, что вскоре и было сделано. О дальнейшей судьбе Елизаветы Слесаревой в архивах сведений не имеется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Остается отметить, что едва ли несчастная женщина могла рассчитывать не только на государственное участие в своей проблеме, но и на чуткое к себе отношение окружающих, а также на полное и всестороннее расследование своего

дела духовной властью. Социальный статус псаломщиков и их семей был крайне низок, а судьба низового клира, в силу тотальной и жесткой зависимости от настоятеля прихода, благочинного округа и правящего епархиального архиерея – «незавидна»². В особенности это касалось участи женщин, в условиях традиционного патриархата по положению мало чем отличавшихся от обычных крестьянок, несмотря на свою грамотность и принадлежность к полупривилегированному сословию. Да и сама культура государственно-церковных отношений, в сущности, не предполагала выход подобных случаев за пределы юрисдикции архиерея и консистории, что сужало и без того узкое поле для поиска справедливости. Тем временем реакция архиепископа наглядно свидетельствует о принципиальной неготовности предметно рассматривать дела «постыдного» плана. Раствление в епархиальной жизни было случаем исключительным, резко диссонировавшим с образом Церкви и духовенства как морально-нравственной твердыни общества. Благодаря этому, методом решения проблемы был избран далеко не христианский, но в чем-то вполне типичный для тогдашней России подход – ссылка раздражителя в глухой угол епархии, вероятность поступления жалоб из которого, была равна нулю.

Безусловно, рассмотренное дело, в силу своего единичного характера, не может быть интерпретировано в качестве показателя некой тенденции в епархиальной жизни рубежа столетий, претендовать на некий критерий ее морально-нравственного, культурного и правового уровня. Тем не менее приведенный микроисторический срез усложняет существующую на сегодняшний день в историографии картину приходской повседневности, демонстрируя ее более сложный и многогранный характер, нежели принято считать.

¹Заявление священника села Шуматова Ядринского уезда Иоанна Соколова (ГА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.118783. Л.4).

²Рапорт благочинного 2 Тетюшского округа села Флорова Ясака свящ. Василия Давыдова (1873) (ГА РТ. Ф.4. Оп.105. Д.6. Л.15 об.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гирц К. К интерпретации культур. М.: РОССПЭН, 2004.
2. Егоров Д. В. К вопросу о состоянии преступности в Казанской губернии (вторая половина XIX века) // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2008. № 2. С. 151–155.
3. Безгин В. Б. «Против воли ее и согласия»: изнасилование и растление в крестьянской среде и их уголовное преследование (конец XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2015. № 45. С. 25–43.
4. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные. Петроград: Юрид. о-во при Петрогр. ун-те, 1916.
5. Плотников Р. М. Эволюция законодательства об ответственности за изнасилование в дореволюционный период // European Science. 2015. № 2 (3). Киберленинка.

6. Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года / Россия. Законы и постановления. Т. 15. Пг. : Гос. тип., 1916.
7. Беккер И. М. Школа молодого психиатра. Избранные труды по общей психопатологии и частной психиатрии. М. : Бином, 2022.
8. Степаненко В. И., Коляденко В. Г., Глухенький Б. Т. Сифилис в Российской империи. Заболеваемость и борьба с сифилисом в Советском союзе и на Украине // Венерология. 2003. № 2. С. 76–82.
9. Безгин В. Б. Преступления на сексуальной почве в российской провинции второй половины XIX – начала XX века // Юридические исследования. Bratislava. 2013. № 5. С. 201–246.
10. Хохлов А. А. Донос в государственном уголовном и церковном праве во второй половине XIX – начале XX вв.: сравнительный анализ сквозь призму теории и практики // Христианское чтение. СПб., 2022. № 2. С. 173–181.

REFERENCES

1. Gircz, K. (2004). K interpretacii kul'tur = For interpretation of cultures Moscow: ROSSPE'N. (In Russ.)
2. Egorov, D. V. (2008). K voprosu o sostoyanii prestupnosti v Kazanskoj gubernii (vtoraya polovina XIX veka) = On the issue of the state of crime in the Kazan province (the second half of the XIX century). Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta, 2, 151–155. (In Russ.)
3. Bezgin, V. B. (2015). «Protiv voli ee i soglasiya»: iznasilovanie i rastlenie v krest'yanskoj srede i ix ugovnoe presledovanie (konecz XIX – nachalo XX vekov) = “Against her will and consent”: rape and molestation among peasants and their criminal prosecution (late XIX – early XX centuries). Novy'j istoricheskij vestnik, 45, 25–43. (In Russ.)
4. Fojniczkij, I. Ya. (1916). Kurs ugovnogo prava. Chast' osobennaya: Posyagatel'stva lichny'e i imushhestvenny'e = Criminal law course. Part special: Personal and property encroachments. Petrograd: Yurid. o-vo pri Petrogr. un-te. (In Russ.)
5. Plotnikov, R. M. (2015). E'voljuciya zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za iznasilovanie v dorevoljucionny'j period = Evolution of legislation on responsibility for rape in the pre-revolutionary period. European Science, 2(3). Kiberleninka. (In Russ.)
6. Rossiya. Zakony i postanovleniya. Svod zakonov Rossijskoj imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlenny'j. Izdanie 1916 goda = Russia. Laws and regulations. The code of laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Sovereign Emperor Nicholas the First. Edition of 1916. Rossiya. Zakony i postanovleniya. Petrograd: Gos. tip. (In Russ.)
7. Bekker, I. M. (2022). Shkola mladogo psixiatra. Izbranny'e trudy po obshhej psixopatologii i chastnoj psixiatrii = The school of a young psychiatrist. Selected works on general psychopathology and private psychiatry. Moscow: Binom. (In Russ.)
8. Stepanenko, V. I., Kolyadenko, V. G., Gluxen'kij, B. T. (2003). Sifilis v Rossijskoj imperii. Zaboлеваemost' i bor'ba s sifilisom v Sovetskom soyuze i na Ukraine = Syphilis in the Russian Empire. Morbidity and control of syphilis in the Soviet Union and Ukraine. Venerologiya, 2, 76–82. (In Russ.)
9. Bezgin, V. B. (2013). Prestupleniya na seksual'noj pochve v rossijskoj provincii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka = Sexual crimes in the Russian province of the second half of the XIX – early XX century. Yuridicheskie issledovaniya, 5, 201–246. (In Russ.)
10. Khokhlov, A. A. (2022). Donos v gosudarstvennom ugovnom i cerkovnom prave vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: sravnitel'ny'j analiz skvoz' prizmu teorii i praktiki = Denunciation in State criminal and Ecclesiastical law in the second half of the XIX – early XX centuries: comparative analysis through the prism of theory and practice. Hristianskoe chtenie, 2, 173–181. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хохлов Александр Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии
Казанского (Приволжского) Федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khokhlov Aleksandr Anatol'evich

PhD (History), Associate Professor of the Department of Anthropology and Ethnography
of Kazan (Volga Region) Federal University

Статья поступила в редакцию	14.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.04.2023	accepted for publication